Текст · 30 мая 2022, 13:04
Максим Бутченко,

«Машина загорелась, из салона пытался выбраться водитель, было слышно, как кипят мозги». Рассказ волонтера из Северодонецка, который помогал землякам выживать под обстрелами

Украинский журналист Максим Бутченко продолжает разговаривать с жителями Северодонецка, который в последние недели стал самой горячей точкой на линии фронта. Промоутер Владимир Черный рассказывает, как собирался этой весной привезти в родной город *Boney M.*, но стал волонтером и три месяца возил по бомбоубежищам инсулин, хлеб и солнечные батареи с аккумуляторами.

Ледовая арена

33-летний концертный директор Владимир Черный из украинского Северодонецка встретил войну в хлопотах. 6 марта в городе должен был пройти концерт западных звезд 1980-х: *Boney M., Joy, Bad Boys Blue, Ottawan*. Черный с гордостью показывает цветастую афишу «Дискотека-80: за участю легенд поп-музики»[1]. Он рассказывает, какие именитые группы привозил раньше в промышленный городок на Луганщине, и в этом перечне слышна грусть.

«Представляете, все пять тысяч билетов продали, не концерт мог быть, а "разрыв", по-другому не скажешь.

Кто бы мог подумать, что теперь слово "разрыв" у нас связано только с падением бомб», — говорит Черный.

24 февраля промоутер вернулся на ледовую арену, где должен был пройти концерт, но уже в качестве волонтера — именно там местные власти решили организовать гуманитарный штаб. Поначалу обходились своими силами: собрали группу из сотрудников администрации, сортировали продовольственные пакеты. Начальник отдела культуры формировал первые списки нуждающихся.

После обстрелов и бомбежек в начале марта одни горожане уезжали, а другие прятались в подвалах и бомбоубежищах. Например, на подземных этажах бассейна «Садко» укрывались больше ста человек. Тогда же стала поступать помощь из-за границы. Черный рассказывает, что первыми отозвались его знакомые из Эстонии — пригнали пару фур с продуктами. Потом география поставок расширилась: Австрия, Италия, Литва, Латвия, Норвегия. Больше всего его поразили австрийские сухпайки — в них было точно рассчитано количество калорий на небольшую семью.

Жители Северодонецка в бомбоубежище. Фото: Владимир Черный

«Волонтерство заставляло меня поездить по округе, повидать много чего. Как-то я возвращался из Рубежного[2], начался жуткий обстрел дороги, и

снаряд попал прямо в ближайший от меня легковой автомобиль, перегородил проезд. Мгновенно машина загорелась, и тут же распахнулась дверь — из салона пытался выбраться водитель. Он горел, было слышно, как кипят мозги. Мужчина попробовал сделать пару шагов, остановился. Из-за обезвоживания человек не может больше двигаться, превращается в горящую статую. Поэтому водитель так и стоял посреди трассы огненным столбом. В воздухе воняло паленым и пороховым дымом», — вспоминает Черный.

Театр драмы

Позже гуманитарный штаб решили перенести в Северодонецкий городской театр драмы, расположенный в центре города: под постоянными обстрелами людям было легче добраться туда, чем в ледовый дворец. В день приезжало по три-четыре фуры. Как-то прибыло 80 тонн замороженной курицы от производителя с Западной Украины. Потом стали передавать матрасы, туристические пенки и газовые горелки.

Концертный директор и волонтер Владимир Черный в пункте гуманитарной помощи. Фото: личный архив Владимира Черного

Потом в городе пропало электричество, и возникла нужда в генераторах. Все АЗС были разбиты: заметно, что россияне целились в жизненно важные инфраструктурные объекты. В ход пошли остатки солярки и бензина. Тогда же добровольцы вместе с властями решили завезти солнечные батареи с аккумуляторами, позволяющими пользоваться электричеством в любое время суток. Первую партию, 50 штук, привезли 30 апреля и сразу раздали по бомбоубежищам. На заводе «Азот», где находился племянник Черного, двумя батареями зарядили все аккумуляторы, которые собрали на территории предприятия — их сняли с машин.

Телефонная связь тоже совсем пропала, поэтому в больницу передали систему спутникового интернета *Starlink*. Еще один комплект сейчас доставляют из Лос-Анджелеса, волонтеры купили его за свой счет, говорит Черный.

Еду старались развозить по списку, но иногда не успевали. По словам волонтера, трудности с доставкой возникали в основном на окраинах, например на улице Курчатова. Процесс был устроен так: курьеру-добровольцу выдавали листок с адресом, куда ему предстояло добраться пешком или на велосипеде, и нужно было обязательно сфотографировать получателя с припасами. Однако если адресат не мог спуститься к подъезду — например, если это был лежачий больной — приходилось подниматься к нему в квартиру. Когда обстрелы усилились, доставка уже не успевала обслуживать всех нуждающихся.

Продуктовые наборы из Европы. Фото: Владимир Черный

Когда в Северодонецке еще работал хлебозавод, туда доставляли муку, и работники предприятия под практически постоянными обстрелами пекли хлеб. Такие моменты похожи на кадры из документального фильма, вспоминает волонтер. Черный забирал с завода хлеб и вез его по пустым улицам, понимая, что ни муки, ни дрожжей больше не будет.

Передвижение по городу было испытанием для водителя, даже когда вражеская артиллерия молчала. После взрывов снарядов и ракет в асфальт вонзается множество острых осколков, легко протыкающих автомобильные шины. Сделать с таким проколом ничего нельзя, только поменять колесо. Черный рассказывает, что за пару месяцев он потратил на «переобувание» машины около 70 тысяч гривен[3].

Машина с гуманитарной помощью в Северодонецке. Фото: Владимир Черный

Воду в город завозили цистернами, те, кто мог, приходили со своими бутылками и набирали про запас.

«Конечно, помогали всем, но бывали случаи поразительные. Привозим еду в подвал, выходит детина, перебирает, что ему привезли, и говорит: "Что так мало?". Прямо сценка из фильма: "А компот?"[4]. На вопрос: что, ему тяжело поднять задницу и сходить в наш гуманитарный центр? — невозмутимо отвечает: "Не, идти боюсь, обстреливают". И такое бывало», — рассказывает волонтер.

Лекарства доставляли в местную больницу на улице Егорова. В основном это были жаропонижающие, но несколько раз Черный привозил инсулин длительного действия — спецтранспортом в холодильнике с температурой +5 °C. В первый раз препарат передали местные власти Львова, во второй — Ивано-Франковска. Тяжелых пациентов пытались вывозить в Днепр, а когда начались проблемы с топливом, товарищи Черного приезжали в Северодонецк на электромобиле *Tesla* — эвакуировали людей с инвалидностью.

«Но мне запомнилось, когда люди сами в бомбоубежище принимали роды. Это было где-то в 20-х числах марта. Отвели женщину в отдельную комнату, и она под аккомпанемент взрывов и грохота от ракет рожала. Выглядело это как в американском кино о конце света: при блеклом сиянии свечей рождалась новая жизнь, когда на поверхности умирали люди от бомб. Я потом привозил питание, памперсы. Таких случаев была еще парочка», — вспоминает Черный.

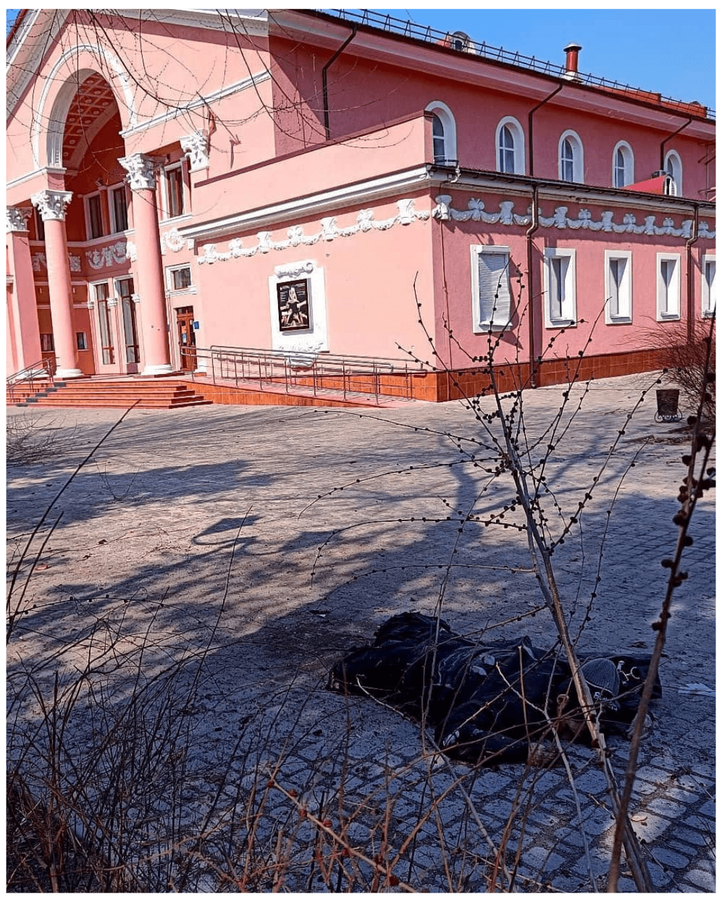
Он признает, что волонтеров не стоит идеализировать. Бывали случаи, когда люди хотели подзаработать — например, торговали современными

медикаментами из Европы, хотя должны были раздавать их бесплатно. Это выяснилось затем с большим скандалом.

Исход

Люди стали массово покидать Северодонецк еще в начале марта. Местные жители рассказывают, что переломным моментом стал захват соседнего Старобельска 2 марта. Расстояние от Северодонецка — 65 километров. Между Северодонецком и Старобельском нет других крупных городов. Тогда стало понятно, что Север будет следующим.

В те же дни участились обстрелы. Часто они приходились на скопление людей, стоявших в очереди. Например, во время утреннего обстрела 22 марта один человек погиб, десять были ранены. 30 мая — пятеро пострадавших.



Труп мирного жителя у Северодонецкого городского театра драмы. Фото: Алексей Ковалев / Facebook

«Мой товарищ, фотограф "Укринформ"[5] Алексей Ковалев стоял в живой очереди из сотни людей за курицей в театр. Был прилет в эту очередь, одного

человека разорвало на части. Ему пришлось это все фотографировать», — говорит Черный.

Даже несмотря на это, многие не хотели уезжать из города. Причины были разные. Одни говорили: «Пока не прилетит в наш дом, не уедем», «Мы здесь родились, здесь и умрем», другие ждали прихода российской армии.

«В Севере остались ждуны русского мира, считающие, что им должны — хлеб, воду, деньги возить по щелчку, а ведь не все так просто под обстрелами», — говорит местная журналистка[6].

Впрочем, таких «ждунов» немного. По оценке главы Луганской областной военной администрации Сергея Гайдая, в Северодонецке осталось около 10–12 тысяч жителей — в десять раз меньше, чем было до войны. Пока дорога к городу не обстреливалась, людей массово вывозили на автобусах. Теперь такой возможности нет.

Начальник местного управления патрульной полиции Виктор Левченко говорит, что ситуация в Луганской области чрезвычайно сложная. Все пути опасны, обстрелы не утихают буквально ни на минуту, в окрестностях города идут бои.

Эвакуация была организована просто: люди писали сообщения Левченко, тот выписывал адреса и старался отработать их с волонтерами и полицейскими главного управления. Сейчас в Северодонецке осталось всего около 15 волонтеров, они также обслуживают гуманитарный штаб.

Владимир Черный последний раз был в городе неделю назад.

> 30 мая эвакуацию из Северодонецка приостановили: россияне обстреляли машину, которая ехала забрать из города десять человек, под обстрелом погиб французский журналист.

Из-за того что мобильной связи в Северодонецке давно нет, страница Левченко в фейсбуке превратилась в доску объявлений. «Ищу сестру Ирину Н. Оставалась в Лисичанске, связи нет приблизительно с 10 мая». «Солнечный, Золотое. Связи нет, не знаю ничего о маме, может, что-то известно». «Поселок Тополевка. Очень, очень прошу — остались пожилые люди, гуманитарка не доходит, без связи, помогите, пожалуйста, при возможности». «Эвакуируйте, пожалуйста, моих родителей из Белогоровки, увезите их силой, скажите, дети их ждут. Если вы еще будете там, скажите, что дочь слезно просит». На последнее сообщение Левченко ответил коротко: «Они ехать отказались».

Черный говорит, что пожилые люди понимают: ехать им некуда, поэтому большинство приходится уговаривать покинуть опасные места, хотя Северодонецк сейчас обстреливают почти так же интенсивно, как Мариуполь.

Жители Северодонецка в бомбоубежище. Фото: Максим Бутченко / Медиазона

Волонтер думает, что Север постигнет та же судьба: если уцелеет 20% города, то хорошо. Положение осложняется тем, что, как и на «Азовстали» в Мариуполе, на местном предприятии «Азот» прячутся в бомбоубежищах гражданские, больше ста человек. Если завод будет разрушен, продолжает Черный, это грозит экологической катастрофой — при производстве там использовали аммиак. И хотя емкости выкачали, аммиак может оставаться в трубах, при взрыве он попадет в окружающую среду.

По оценке Черного, из 100 тысяч человек, которые выехали из города, около половины пока осели в Западной Украине.

«Огромное количество людей лишены дома и будущего, а перспективы туманны. На что сейчас надеяться северодончанину, который живет в общежитии или в селе далеко от своего города, совершенно непонятно. В конце мая Север отпраздновал 88-летие. По меркам города он подросток. Но если сказать образно, подросток, дом которого сгорел вместе с родителями, и теперь он выброшен на улицу. На вопрос "зачем, для чего?" подросток-город не может дать ответ. И в этом вся устрашающая банальность трагедии Северодонецка», — говорит Черный.

Редактор: Дмитрий Ткачев

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

1. «Дискотека-80: с участием легенд поп-музыки».

2. Город рядом с Северодонецком.

3. Примерно 2 300 долларов.

4. Цитата из «Операции "Ы"»: получив горячий обед из двух блюд, отбывающий административное наказание на стройке хулиган Федя обиженным голосом требует компот.

5. Украинское национальное агентство новостей.

6. «Медиазона» не называет ее имя по соображениям безопасности.